

ПРЕЕМНИК НАЧАЛ РЕВИЗИЮ НАСЛЕДСТВА

На смену мафиозному хаосу идет мафиозный порядок

Есть элементарные политические и психологические стратегии власти, обладающие удивительной силой. Как только человек попадает в определенную ситуацию, он начинает говорить обусловленные ею слова, будто актер, играющий роль в пьесе, которая шла уже очень много раз, хотя ему самому при этом может казаться, что его слова продиктованы спонтанным чувством и удивительно удачно им найдены. К числу таких примитивных стратегий относится стратегия сваливания всего плохого на предшественника и максимально возможное очернение его правления. Расправляясь с предшественником, от которого все устали и чьи пороки давно очевидны, преемник получает возможность списать весь «негатив», в том числе и всякие беды, возникающие уже при его власти, на полученное им «тяжелое наследство». Эту картину в разных вариантах мы видели очень много раз. Большевики старались развенчать царей и царизм, Хрущев — «культ личности» Сталина, Брежнев — хрущевский «волюнтаризм», Горбачёв — брежневский «застой», Ельцин — горбачёвскую нерешительность и половинчатость. При этом в разных вариантах произносилась одна и та же фраза: «Я знал, что все плохо, но только сейчас, придя к власти, понял, до какой степени все плохо». И довольно часто преемник, черня своего предшественника, возвышает предшественника этого предшественника, так сказать, обращается от «отца» к «деду». «Деда» в его время могли не любить еще больше, чем «отца», но еще не забытые пороки «отца» затмили уже забытые грехи «деда», и он вспоминается даже с ностальгией. Хрущев, клеймя Сталина, возрождал «ленинские нормы», Брежнев, напротив, «восстановил историческую справедливость» в отношении Сталина. При Горбачёве стали тепло вспоминать Хрущева.

Все это мы видим и сейчас, причем сила этого политического и психологического механизма проявляется особенно ярко. Дело в том, что Путин обязан предшественнику абсолютно всем — во много раз больше, чем Горбачёв Брежневу или Хрущев Сталину. Увы, нельзя обмануть «законы природы». Ельцин выбирал долго, выбрал самого зависимого, самого скромного, самого незаметного, но результат — практически тот же самый.

Все нужные фразы уже произнесены. Уже сказано про «десять лет лихолетья», про то, что недавние катастрофы показали, «в каком состоянии находится страна», что Путин знал об ужасном положении вооруженных сил, но не думал, что оно ужасно «до такой степени». При этом Путин в какой-то мере поднимает ельцинского предшественника — ко двору если не приближен, то допущен Горбачёв.

Предшественник обречен на поругание преемником, и тут ничего поделать нельзя. Но этот элементарный механизм еще не объясняет, за что именно осуждается предшественник. Ведь и Сталина, и Хрущева, и Брежнева можно было клеймить за самые различные грехи. Но их за что-то — клеймили, а что-то в их политике, напротив, продолжали. Хула в какой-то мере служила камуфляжем преемственности. Хрущев, например, ругал Сталина за репрессии, но не за «социалистическую индустриализацию» и создание колхозов. Брежнев порицал хрущевский «волюнтаризм» и «чрезмерную» критику Сталина, но не прекращение сталинского террора. Механизм очернения предшественника — это

только форма, в которой осуществляется эволюция режимов, идущая по своей логике. Порицается или сугубо личное в предшественнике, что просто раздражало и не нравилось людям, но не связано с сущностью режима, или то, что в его деятельности относится к предшествующему этапу эволюции.

И Ельцина, теоретически, можно порицать за что угодно. Но Путин выбирает не все. В путинских пока еще туманных инвективах просматривается вполне определенный набор претензий. Ельцинским расхлябанности, беспорядку и, как это ни смешно звучит в отношении Ельцина, либерализму противопоставляются культ государства, централизация, жесткость, эффективность. При этом важно и то, что не клеймится и, соответственно, закрепляется, переводится в разряд «естественного». Не клеймится сама по себе рыночная реформа, не клеймится прикрытый демократическим фасадом авторитаризм, практическая ликвидация разделения властей, псевдовыборы и псевдореферендумы. Если возникший при Ельцине авторитарный строй нес на себе отпечаток его личности и в какой-то мере ощущался как зависящий от этой личности, то путинский авторитаризм — продолжение и развитие ельцинского — не только усиливает авторитарный характер власти, но делает авторитарность нормой общества. Через отрицание происходит закрепление основ строя, отрицание одного облегчает продолжение и усиление другого.

Эта «диалектика» отрицания и утверждения, на мой взгляд, прекрасно видна в борьбе Путина с олигархами. Олигархи олицетворяют неправовой, криминальный характер ельцинского режима. И вроде бы здесь у Путина — максимальный разрыв с Ельциным и его системой. Но если присмотреться к этой борьбе, мы увидим нечто совсем иное. Прежде всего, разрыв с предшествующей эпохой не такой большой, как кажется. Время олигархического разгула прошло объективно, оно прошло само собой. Правящая верхушка больше не нуждается в помощи ловкачей, которые умеют конвертировать власть в деньги. Теперь, в отличие от 1996 г., она не боится выборов и может побеждать без финансовой и агитационной поддержки олигархов. Наиболее претенциозные «бизнесмены от политики» надоели уже Ельцину, который, помнится, грозил Березовскому высылкой из страны.

Кроме того, атака идет не на всех олигархов, а только на непослушных, возмнивших о себе, что они — самостоятельные фигуры, а не просто высокооплачиваемая услуга власти. Такая борьба лишь укрепляет уже сложившуюся систему, при которой богатство дается властью в обмен на лояльность и услуги. Наконец, в этой борьбе с олигархами возникшая при Ельцине система развивается, вступает в следующий этап своей эволюции — происходит громадный шаг вперед по пути криминализации государства.

При Ельцине коррупция была всеобщей, но она в какой-то мере была «отделена от государства», оставалась «частным делом». Когда министры и прокуроры воровали и вымогали, они понимали, что это не входит в их служебные обязанности, то есть в некотором роде они действовали как частные лица. Даже пресловутая «семья» воспринималась как сила, орудующая в государстве, управляющая им, но все же не тождественная ему. При Путине эта тонкая грань начинает исчезать.

Когда Волошин и Лесин предлагают Березовскому и Гусинскому свободу в обмен на акции, когда генпрокурор сажает Гусинского, потом, получив нужную бумагу с обещанием акций, отпускает, а потом, когда узнает, что бумага недействительна и его «кинули», снова возбуждает уголовное дело, они действуют не как частные рэкетиры и расхитители, а как люди, для которых рэкет в некотором роде — прямая служебная обязанность и едва ли не долг. Они действуют не на свой страх и риск, ради своей индивидуальной выгоды, а как

представители государства, заботясь о «государственных интересах». То есть государство начинает функционировать не как организм, в который проникли разные мафии, а как самая крупная мафия, которая хочет уничтожить мелкие, навести порядок и пополнить «общак». Здесь тоже, конечно, есть элементы случайного. Какую-то роль играет кагэбэшное прошлое нашего президента, характерная для работника спецслужб идея, что во имя «государства» и «порядка» можно действовать, не оглядываясь на закон. Но главное все же — не это.

Главное — естественная эволюция строя. Когда к власти приходит, как это произошло в 1991 г., группа лиц, не связанных ни идеологически — партийной дисциплиной, ни какими-либо традиционными лояльностями, и при этом у общества нет никакой возможности эту группу сменить, она просто не может не криминализироваться, не превратиться в мафию или во множество мафий. Тем более, когда ей приходится заниматься таким делом, как разгосударствление собственности. Криминализация чревата хаосом (борьба мафий, «разборки»), который эта группа стремится преодолеть. Но как преодолеть? Пойти правовым путем невозможно — это подорвало бы самые основы установившегося режима. Естественный и, более того, единственный путь — преодолеть мафиозный хаос мафиозной дисциплиной. За периодом неорганизованной борьбы многих мелких группировок наступает период правления одной, хорошо организованной. При этом действительно могут наступить «порядок и дисциплина». Прекращаются стрельба на улицах и всякого рода «разборки», прекращается даже коррупция. В мафии может вообще не быть никакой коррупции и никаких служебных преступлений, ибо в ней только одна вещь рассматривается как преступление — неподчинение боссу.

Таким образом, через отрицание ельцинского наследия осуществляется развитие строя по его внутренней логике — государство преобразуется в соответствии с суровыми законами мафии. Разумеется, это не единственная закономерность, действующая сегодня в нашей стране, и когда-нибудь эволюционирующий по своей логике режим столкнется с силами, которые его сломают, дадут обществу какую-то другую логику развития. Но пока что признаков этого перелома не заметно — хотя бы даже на уровне общественного сознания.